

Барристан Селми совершил много великих дел в своей жизни. Он убил последнего из Блэкфаиров в Степных Камнях. Он взял стены Сумеречного Дола и спас короля Эйриса Таргариена. Он безупречно нёс службу долгие годы. Но горькая правда заключалась в том, что он — позор Королевской Гвардии.

Словами не описать то чувство вины и какого-то глубокого поражения, которое сопровождало могучий удар молота Роберта Баратеона, разбившего рубины на доспехах Рейгара. Барристан видел, как король Железного Трона, человек, которого он обязан был защищать, погрузился в алую воду брода вместе со многими своими людьми и врагами.

Едва ли не половина воинов с обеих сторон конфликта перестала сражаться, когда началась дуэль, и, с падением Рейгара Таргариена, Барристан понял, что боевой дух покинул преданных солдат короны. Чего уж там, даже его собственный боевой дух был сломлен. Люди, которые несколько минут назад яростно сражались, обратились в бегство, а войска повстанцев в свою очередь разразились боевым кличем, когда их новый король поднял свой молот, а тело старого рухнуло в засорившийся брод у его ног.

Но уже в следующий миг праздный клич повстанцев заглушил рёв, наполненный такой тьмой и яростью, которые доступны были лишь Неведомому. Баратеон обернулся к новой угрозе и едва успел заблокировать молниеносный выпад, а затем следующий, и ещё один... спотыкаясь, новый Цареубийца сыпал проклятиями и пытался вернуть себе инициативу, но тщетно. Тогда вмешались два рыцаря, выступившие на стороне Роберта, однако, не успел Барристан заволноваться или даже дёрнуться в сторону сражающихся, как оба были повержены, а Сумеречный Дракон вновь переключился на Роберта и продолжил теснить его.

Когда Баратеон сражался с Рейгаром, он был подобен богу среди людей. Увы, Барристана тогда отделила от короля бесконечная стена напирających врагов, которые не заканчивались, сколько бы он их не убивал. По итогу Королевский Гвардеец был вынужден с бессильной злобой наблюдать за тем, как его король сражается в одиночку, и проигрывает. Сейчас всё было совсем иначе. Против Эйлора, Баратеон выглядел... совершенно смертным. Его молот и щит с трудом отражали единственный меч принца, и будь у Дракона тоже щит, Барристан был уверен, что битва уже закончилась бы.

— Принц! — Воскликнул Барристан, чувствуя, как в груди вспыхивает надежда. Он крикнул снова, на этот раз громче. — Повернитесь и взгляните на своего принца! Он сражается, а вы убегаете?!

Несколько человек из огромного потока бегущих остановились, обернулись, увидели, что всё действительно так и тоже подхватили клич. Барристан, прихрамывая, с пульсирующей раной на бедре, добрался до ближайшего коня, — многие рыцари и животные погибли, но свободных коней было еще предостаточно, — и взобрался на нагое. Пнув гнедого в бока, он галопом помчался навстречу отступающей массе выживших лоялистов, крича во всю мощь своих легких.

— Принц Эйлор сражается! За Таргариенов! Смотрите, смотрите на своего принца! Сражайтесь за него! — Всё больше и больше людей подхватывали этот призыв, и, ободренные,

возвращались в бой с новым рвением.

Медленно, по одному или по двое, люди меняли направление, прекращая стремительное отступление и приходя на помощь тем, кто не поддался панике. Барристан скакал на незнакомом жеребце из стороны в сторону, кричал, указывал своим окровавленным мечом, медленно превращая бегство разбитых людей в какую-никакую атаку. Некоторых из убегающих всё же не удалось остановить; ужас войны, которому они стали свидетелями, сломил их, но в битву всё же вернулось немало воинов, и когда Барристан понял, что это максимум, которого он может достигнуть, он пустил своего одолженного коня обратно к броду, сопровождаемый криками тысяч людей, спешащих на помощь своему принцу.

Эйлор знал, что битва проиграна. Но ему было плевать.

Он снова взмахнул мечом изо всех сил, мимикрируя под недавно убитого Бакета и полностью перейдя в наступление, жертвуя защитой. Роберт Баратеон, молот которого всё ещё багровел от крови Короля, был крупнее Эйлора и, по всей вероятности, сильнее — эта гора мышц в желто-черной ливрее напоминала Григора Клигана, пусть и гораздо меньшего роста. Эйлор и сам был не мал, на несколько дюймов выше шести футов, и, безусловно, сам по себе был сильным человеком, но Баратеон однозначно превосходил его.

Однако в данный момент это не имело ни малейшего значения, так как второй сын Эйриса пылал ненавистью и жадой битвы, превосходящей всё, что мог почувствовать даже Баратеон. Эйлор не думал о Рейгаре, умирающем или уже мертвом позади него. Он вообще ни о чем не думал. Разум принца был пуст, а контроль над телом перехватили инстинкты и годы тренировок, адреналин дарил сил, а ненависть заставляла изрыгать проклятья в сторону лорда Штормового Предела.

Жутко болела правая нога. Он не замечал этого, пока не бросился на Баратеона, но теперь рана проявила себя во всей красе. Впрочем, Эйлор и сейчас не обращал на неё внимание, полностью сосредоточившись на том, чтобы вогнать свой клинок в грудь Роберта, а затем медленно наблюдать, как жизнь покидает его синие глаза.

Через несколько мгновений Баратеон всё же пришел в себя и перешёл в наступление, резко взмахнув своим молотом. Эйлор в очередной раз отметил, насколько же силен его противник. Удивительно силен. Попытаться заблокировать или перенаправить удар молота, — что было почти невозможно для Эйлора в его нынешнем состоянии, да ещё и без щита, — означало верную смерть: грубая сила с забронебойным действием плоской стороны молота, или острие шипа другой его стороны, могли либо пробить, либо вдавить доспехи, дробя мышцы и кости. С той же

лёгкостью удар выбьет меч из хватки.

Эйлор сместился в сторону и нанес удар по касательной — клинок зацепил лишь щит Баратеона, но в том и был план; закованный в латную рукавицу кулак, столкнулся с рогатым шлемом открывшегося правителя Штормовых земель. К сожалению, на Роберта это почти не подействовало, и уже следующим шагом Эйлору пришлось отпрыгивать назад, дабы не распрощаться со своими рёбрами.

«Открылся»

Из-за слишком широкого взмаха последнего удара, Роберт вновь открылся, чем и воспользовался Эйлор, перехватив меч и направив его острие прямо в голову противника. Сталь пронзила свою жертву. Вот только жертвой оказалось не лицо Роберта, скрытое за забралом шлема, а один из рогов, который отломился и улетел куда-то в хаос битвы, разгорающейся вокруг них.

Ублюдок уклонился.

С глубоким ревом, — Им — Ярость, в конце концов, — Роберт снова пошел в атаку, используя свой щит как таран, и свой молот как... ну, молот. Наконец, Эйлор был вынужден перейти в полную оборону, уворачиваясь то от щита, то от молота, и лишь изредка нанося ответные удары.

Способность хладнокровно оценивать ситуацию и свои шансы на победу — ключевое качество хорошего война. Именно благодаря этому качеству, Эйлор победил Бакета, подставившись под удар. И благодаря всё ему же, Эйлор понимал, что его шансы на победу в дуэли с Робертом будут ничтожны, если он не сможет реализовать эффект неожиданности и не одарит противника хотя бы одной существенной раной. Именно поэтому он вложил все свои силы и ярость в начало схватки. К сожалению, не вышло. Возможно, не приди на помощь Роберту те два рыцаря, которые пусть и ненадолго, но отвлекли на себя внимание, и всё сложилось бы иначе. Но история не терпит сослагательного наклонения, и реальность такова: Роберт цел, а Эйлор — постепенно угасает.

Кульминация — рана на ноге, которая по мере короткого, но жестокого поединка всё усиливалась и усиливалась, наконец сыграла свою роль.

Когда Эйлор в очередной раз уклонился от прогудевшего молота и отступил на шаг, он неудачно встал на мокрую грязь, отчего нога начала съезжать, нагружая и без того уставшие мышцы, пока ногу не пронзил до самой кости жгучий, парализующий укол боли.

Эйлор вскрикнул, его нога отказалась подчиняться, и он неловко опустил на колено. Баратеона победоносно замахнулся молотом и по широкой дуге направил его в голову упавшего Дракона. Упавшего, но ещё не сломленного; с рёвом, который издают дикие животные перед неминуемой гибелью, Эйлор выгнулся в спине и со всей оставшейся силой попытался заблокировать мечем удар молота. Ожидаемо, меч вырвало из ладони Сумеречного

Дракона. Чудом было то, что вообще удалось парировать такой удар.

С лёгкой тоской Сумеречный Дракон провожал взглядом вращающийся клинок, и с куда меньшей тоской сжал пустые руки. Принц попытался было встать, но неудобная поза и боль в ноге не позволили даже этого. Он поднял голову и взглянул на Баратеона: лидер повстанцев стоял над ним, отбросив щит в сторону и взяв в руки двуручный молот. Он взревел и направил последний удар в голову последнего Таргариена, что мог сражаться.

Ненависть. Остудяющая, безграничная, бесконечная ненависть. Она копилась в Эйлоре на протяжении всей войны, и даже когда он сражался, она не исчезала, а просто ненадолго затихала. И сейчас эта ярость была настолько невероятной, что голова раскалывалась и слышался какой-то странный писк. Он хотел убить Роберта. Хотел выжить и вернуться к Элии. Но больше всего, он хотел убить его. Убить их всех.

Перекошенное от гнева и боли лицо Эйлора Таргариена полностью расслабилось, а взгляд стал пустым и бессмысленным. Не чувствуя больше ни боли, ни страха, он рывком пошёл на сближение с Робертом, попутно смещаясь вправо и уклоняясь от молота, едва не задевшего его плечо. Выхватив из-за пояса верный кинжал, он направил его острием вверх.

Принц Таргариенов и Лорд Штормового Предела замерли. Они стояли в упор друг к другу, шлем в шлем. Взгляд широко открытых, фиалковых глаз Эйлора с отстранённым интересом вглядывался в прорезь шлема Роберта, а также в скапливающуюся там кровь — кинжал с изумрудом в крестовине нашёл щель между шлемом и нагрудным доспехом, пробив горло.

Роберт начал что-то хрипеть, хотел было оттолкнуть своего убийцу, но Эйлор не позволил — начал шевелить острием стали внутри раны, причиняя жуткую боль, и продолжая всё так же пристально смотреть своими пугающими глазами. Насытившись страданиями, Сумеречный Дракон резким движением вогнал кинжал дальше, обрывая жизнь лидера повстанцев и позволяя тому упасть.